

в поэзии Серебряного века» (Шестакова Л. Л., ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН).

Зато весьма велико число проектов, связанных с языком медиа: «Культурологические и лингво-прагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция, Европарламент)» (Алферов А. В., ПГЛУ); «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры» (Дускаева Л. Р., СПбГУ, проекты молодых ученых); «Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики» (Нестерова Н. Г., ТомГУ, проекты молодых ученых); «Язык СМИ и культура» (Солганик Г. Я., МГУ им. М. В. Ломоносова) и др.

Заметную часть составляют социолингвистические, лингвокультурологические и лингво-прагматические проекты, например, «Проблемы языковой адаптации дагестанцев-эмигрантов, проживающих на территории Турецкой Республики: лингвокультурологический аспект, генезис и перспективы» (Гаджиев Э. Н., ДГПУ); «Лингвопрагматика межкультурной профессионально-деловой коммуникации» (Малюга Е. Н., РУДН); «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика» (Нещименко Г. П., ИСл РАН); «Социокультурные и социолингвистические аспекты изучения русского языка» (Прохоров Ю. Е., ИРЯ им. А. С. Пушкина); «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век» (Седакова И. А., ИСл РАН); «Решение национально-языковых вопросов в современном

мире. Русский язык» (Челышев Е. П., ИРЯ им. А. С. Пушкина).

Один проект посвящен созданию специализированного мультимедийного корпуса: «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» (Драчева Ю. Н., ВГПУ, проекты молодых ученых).

Конкурс для физических лиц

Перечислю все пять проектов, поддержанных в рамках нового типа конкурса для физических лиц (а(ф)), то есть для аспирантов и докторантов последнего года обучения: «Простое предложение как средство репрезентации концептуального содержания (на материале английского языка)» (Кузьмина С. Е.); «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности» (Лаппо М. А.); «Музыкальные термины в тувинском языке» (Монгуш У. О.); «Малая проза Татьяны Толстой в лингвопоэтическом аспекте» (Новикова Э. Г.); «Лингвистическое моделирование имиджевой роли в политическом дискурсе» (Щитова Д. А.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Летучий 2013 — Летучий А. Б. Обзор лингвистических проектов, финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2012 году // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 143—147. [Letchii A.B. A survey of linguistic projects financed by the Russian foundation for humanities in 2012. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 143—147.]

VI Международная конференция по когнитивной науке

М. Д. Васильева^а, Р. М. Власова^б,
Ю. В. Николаева^{а, @}, Ю. Д. Потанина^а

^а МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; ^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; @ julianikk@gmail.com

23—27 июня 2014 г. в Калининграде прошла VI Международная конференция по когнитивной науке. Организаторами конференции выступили: Межрегиональная общественная организация «Ассоциация когнитивных исследований» (МАКИ), Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский федеральный университет (БФУ)

VI International conference on cognitive science

Mariya D. Vasil'eva^а, Roza M. Vlasova^б,
Yuliya V. Nikolaeva^{а, @}, Yuliya D. Potanina^а

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; ^б National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; @ julianikk@gmail.com

им. И. Канта при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, факультета филологии НИУ «Высшая школа экономики», Института психологии РАН, Института языкознания РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова и правительства Калининградской области. Это мероприятие организуется каждые два года, предыдущие конференции прошли в Казани (2004), Санкт-

Петербурге (2006), Москве (2008), Томске (2010) и Калининграде (2012).

Цель этой серии конференций — организация форума для представителей наук, исследующих познание и его эволюцию, интеллект, мышление, восприятие, сознание, представление и приобретение знаний, язык как средство познания и коммуникации, мозговые механизмы познания и сложных форм поведения. При отборе докладов особое внимание уделялось мультидисциплинарности исследований: предпочтение отдавалось таким научным работам, которые поднимают вопросы, стоящие на стыке научных областей, при этом тексты тезисов должны быть понятны представителям других наук. Таким образом, психологи, лингвисты, нейрофизиологи, специалисты по педагогике, искусственному интеллекту, нейроинформатике, когнитивной эргономике и компьютерным наукам, философы, антропологи и другие специалисты, работающие в области когнитивной науки, имели возможность поделиться результатами своих исследований и узнать о достижениях своих коллег. Рабочими языками конференции были русский и английский, для лекций и секционных докладов конференции был организован синхронный перевод.

В числе авторов докладов, включенных в сборник тезисов конференции, — более 800 ученых из 30 стран. В течение пяти дней было представлено более 130 устных и 250 стендовых докладов. Тезисы докладов представлены на сайте конференции www.conf.cogsci.ru, а также опубликованы в виде сборника.

Конференцию открыла лекция президента МАКИ А. А. Кибрика (Москва) «Язык интересен, или лингвистика среди наук когнитивного спектра». А. А. Кибрик разбивает круг потенциально междисциплинарных явлений, традиционно изучаемых лингвистикой, на две области в соответствии с функциями языка: хранение знаний в индивидуальном мозге говорящего и коммуникация между двумя индивидами (или off-line и on-line режимы, в соответствии с компьютерной метафорой). К первой группе относятся, в частности, различие в обработке человеком малых и больших чисел (так называемый эффект SNARC), сравнительно недавно открытое психологами, но вполне ожидаемое для лингвистов. В русском языке, утратившем двойственное число, это противопоставление можно наблюдать в сочетаниях числительного с существительным (два / три / четыре стула vs. пять / десять стульев). Ко второй группе относятся референциальный выбор и референция, т. е. упоминание тех или иных объектов посредством существительных, местоимений, глагольных аффиксов или нулевых

форм. Также в докладе была затронута классическая лингвистическая тема — языковые контакты — в их когнитивном аспекте (контактные влияния возможны только при наличии билингвального населения и осуществляются при массовой интерференции языков у отдельных говорящих) на примере влияния нижненемецкого языка на древнерусский. Речь идет об избыточном дублировании информации о числе, роде и лице в местоимении и глагольном окончании, довольно редком явлении в языках мира. В заключительной части доклада проведена параллель между динамической структурой речевого потока, членящегося на ЭДЕ (элементарные дискурсивные единицы, приблизительно соответствующие простым предложениям), и движениями животных при освоении новых территорий. Представляется вероятным, что в ходе эволюции речь формировалась под влиянием нейрофизиологических факторов, связанных с сегментацией собственного поведения и наблюдаемой внешней действительности.

Приглашенными докладчиками на этой конференции были Сьюзен Голдин-Медоу (США), Родриго Кирого (Великобритания), Арто Мустайоки (Финляндия), Шинобу Китаема (США).

С. Голдин-Медоу (США) в богатой примерами лекции «Как руки помогают нам думать?» продемонстрировала, что жесты могут пролить свет на то, как мы учимся, и отражают мыслительные процессы, не выраженные в речи. С помощью многочисленных экспериментов с детьми и взрослыми С. Голдин-Медоу убедила аудиторию в том, что жесты могут быть успешно использованы в процессе обучения. Примеры того, как дети решают простые задачи (такие как математические уравнения и задача Пиаже с шашками) под руководством преподавателей, иллюстрируют один из основных тезисов доклада: жесты собеседника и жесты самого говорящего могут влиять на то, как он обрабатывает информацию.

Р. Кирого (Великобритания) рассказал об исследовании отдельных нейронов в медиальных структурах височных долей у живых и активно бодрствующих людей, идущих на нейрохирургическое лечение по поводу фармакорезистентной эпилепсии. Эти нейроны специфическим образом активируются только на определенный класс раздражителей, связанных с конкретным человеком или объектом. Так, в гиппокампе пациента была обнаружена активность одного из таких нейронов, который давал ответ при предъявлении любых изображений актрисы Холли Берри, а также на написанное или произнесенное вслух имя актрисы, и не реагировал на другие стимулы. Поскольку подобные нейроны являются связанными не с характеристиками стимула

(контрастом, модальностью предъявления и т. д.), а с определенным концептом, то Р. Кирого назвал их «нейроны концептов».

Принято считать, что коммуникативные неудачи в разговоре встречаются чаще всего между представителями двух разных культур за счет того, что по крайней мере для одного из говорящих язык будет неродным. Однако А. Мустайоки (Финляндия) в исследовании «Коммуникативные неудачи через призму потребностей говорящего» приходит к выводу, что непонимание в разговоре между близкими друзьями встречается так же часто, поскольку говорящий склонен больше опираться на потенциально разделяемое знание, а соответственно, тратить меньше усилий на эксплицитное выражение своих мыслей. Другими факторами, затрудняющими взаимопонимание, в частности, являются самопрезентация, когда говорящий употребляет трудные для слушающего слова и выражения (например, неологизмы и метафоры) только ради того, чтобы показать свою компетентность, и завуалированное выражение просьб и советов.

Ш. Китаяма (США) в лекции «Культурная нейронаука: связывая культуры, мозг и гены» представил достижения культурной нейронауки и возможные перспективы дальнейших исследований. В культурной психологии известны две модели «себя» (models of self): так называемая «западная» (с независимым поведением, аналитическим мышлением, ориентацией на собственные интересы, характерная для США) и «восточная» (с поведением, ориентированным на мнение большинства, холистическим мышлением и ориентацией на общее благо, распространенная в Юго-Восточной Азии). На нейроруровне различия между этими моделями проявляются в паттернах мозговой активности человека, выполняющего определенные задания, получая призовые баллы для себя или для друга. При этом генные исследования связывают подобные различия с геном дофаминового рецептора DRD4, у которого выделяют три модификации: более древнюю 4R и более «молодые» 2R или 7R. «Родиной» 4R можно считать Африку, вероятность же встретить другие варианты DRD4 возрастает пропорционально расстоянию от этого континента, при этом 2R больше характерен для Азии, а 7R — для Европы. Таким образом, культура оказывается продуктом биологической адаптации нашего вида к условиям среды обитания.

На VI Международной конференции по когнитивной науке впервые прошла школа для молодых ученых «Горизонты когнитивной науки», вызвавшая большой интерес у всех слушателей, независимо от возраста. В рамках школы состоялись

лекции Б. М. Величковского, Д. А. Сахарова, К. В. Анохина, Ю. И. Александрова, Т. В. Черниговской и С. В. Медведева.

Д. А. Сахаров (Москва) рассказал о смене научных парадигм и уникальной роли молодых ученых в этом процессе, приведя в пример гипотезу о «центральной генераторе паттернов». Довольно долго считалось, что сложные моторные последовательности являются цепочками рефлексов и обязательно нуждаются для запуска в сигнале извне. Однако в 1960-х годах было показано, что моторную команду производит набор взаимосвязанных нейронов, «центральный генератор паттерна» (central pattern generator, CPG), способный выдавать упорядоченную выходную активность, не получая входного сигнала. Кроме того, в своей лекции Дмитрий Антонович говорил о низкой пользе технологических метафор и более значительной, но еще недооцененной когнитивной наукой роли биологических моделей для изучения мозга человека.

К. В. Анохин (Москва) в выступлении «Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки» обратился к актуальной проблеме когнитивных наук, а именно: есть ли у них единый предмет, и если да, то каков он? С его точки зрения, ответ на этот вопрос положительный, но найти такой предмет, который должен быть тематически формализуем, посредством обычного междисциплинарного синтеза невозможно. В качестве рабочего решения Анохин предлагает концепцию когнитома как скрытой от нашего восприятия, но проявляющейся в поведении когнитивной реальности, некоторой системы, охватывающей все многообразие ментальных явлений. Когнитом состоит из когов (функциональных систем и клеточных ансамблей), устроенных по образу «снапа»: основание из нейронных когнитивных групп + вершина, аккумулирующая общие свойства и отношения элементов основания (иначе говоря, гиперсимплексы). Вершина гиперсимплекса становится узлом в гиперсети головного мозга, которой и является когнитом. Подобная архитектура позволяет описывать возникновение новых уровней в многоуровневой системе, в отличие от простой сетевой архитектуры, предлагаемой на Западе в рамках концепции коннектома (представления нервной системы в виде огромной сети).

Т. В. Черниговская (Санкт-Петербург) рассказала молодым ученым о том, что, несмотря на тот оптимизм, который дарят нам сегодня интенсивно развивающиеся технологии исследования мозговых основ речи, эта область все еще полна загадок, которые не могут быть решены благодаря технологиям; необходимы новые идеи. В лекции особенно подчеркивалось, что чаще

всего тот результат, который мы получаем как разницу в локализации различных языковых процессов, обусловлен дополнительной активацией, связанной с различным уровнем трудности задания на отдельные языковые операции.

Не имея возможности изложить здесь состав и содержание всех 14 тематических устных секций, отметим несколько докладов, наиболее близких интересам читателей «Вопросов языкознания».

Интеграционный вызов, стоящий перед когнитивной наукой на современном этапе, предполагает различные решения. В этом процессе, по мнению В. И. Заботкиной (Москва), когнитивной лингвистике отводится системообразующая роль. Б. Роджерс (Великобритания) выступил с докладом о визуальном восприятии и о том, как изучение визуальных иллюзий может помочь когнитивному психологу.

Проблемы коммуникации и понимания, поднятые на пленарной лекции А. Мустайоки, обсуждались также в рамках одноименной секции. В выступлении С. А. Бурлак (Москва) «Коррекция речевой продукции собеседника в разговорах взрослых» была затронута тема исправления речи взрослого человека его собеседником, менее изученная по сравнению с самоисправлениями и исправлением речи ребенка взрослым. Докладчица выделила два типа исправлений: назидательные и коммуникативные — и рассмотрела основные способы их выражения. К первому типу относятся выражения-прескрипции, в которых прямо обозначается ошибка или указывается, как говорить следует; также возможна апелляция к норме или наместка. Другой тип исправлений ориентирован не на форму, а на смысл, когда говорящий в виде вопроса или утверждения пытается понять, что имел в виду собеседник, и этот тип исправлений воспринимается как более дружелюбный.

Ю. В. Николаева (Москва) в работе «Иллюстративные жесты и речевые сбои: когда проще показать на пальцах» изучила жестикуляцию говорящего при самокоррекции на материале пересказов «Фильма о грушах» и описала основные тенденции употребления жестов при различных типах самоисправлений. В случае самоисправлений говорящего наиболее вероятная ситуация — появление жеста на исправленном варианте. При этом в тех случаях, когда жест был и на первоначальном, и на втором варианте, при исправлении вербальной составляющей чаще всего сохраняется первоначальный вариант жеста, а при буквальном повторе прерванной фразы больше вероятность, что жест будет изменен.

В докладе «Адаптация информационной структуры в жестикуляции и речи» («Adaptation

of information structure in gesture and speech») нидерландская исследовательница Л. Мол рассматривает существующие модели, описывающие порождение жестикуляции и речи. По ее экспериментальным данным, говорящий учитывает структуру события, о котором он услышал от собеседника, выраженную не только языковыми средствами, но и посредством жестов, при этом влияние двух модальностей в стимульном материале по-разному проявляется в пересказе: влияние вербальной составляющей на то, как будет представлено событие в пересказе, оказывается сильнее, чем влияние жестовой.

А. А. Котов (Москва) в рамках доклада «Обработка эмоциональных смыслов при управлении взаимодействием робота с человеком» представил компьютерную модель эмоционального агента, который, получая на вход некоторый текст на естественном языке и используя инвентарь готовых семантических шаблонов, может породить ответное эмоционально окрашенное высказывание, выбрав определенный сценарий поведения. Используемые алгоритмы воспроизводят особенности, характерные для обработки «эмоциональных смыслов» человеком. Так, например, одна и та же ситуация может активизировать как положительный, так и отрицательный эмоциональный сценарий, при этом такие сценарии могут сменять друг друга во времени.

В рамках секции «Семантика и когнитивные структуры» Е. В. Урысон (Москва) в докладе «Компонент “ожидание” в семантике сочинительных союзов» проанализировала, как выбор сочинительного союза (*и*, *а*, *но*) определяется следующими факторами: сочетанием двух ситуаций, соотносящихся с двумя частями сложноподчиненного предложения, различными типами ожиданий говорящего относительно продолжения первой пропозиции и предтекстом, если сложное предложение является частью текста. На той же секции Н. А. Слюсарь (Санкт-Петербург) и Н. В. Череповская (Нидерланды) представили экспериментальное исследование «Морфологическая неоднозначность в ментальной грамматике: экспериментальное исследование на материале русского языка», в котором было показано, что феномен аттракции согласования (*agreement attraction*) может возникать даже в тех условиях, когда морфологический признак, ответственный за ошибку в согласовании, принадлежит не самому аттрактору, а омонимичной ему словоформе.

В рамках конференции также прошли две секции по искусственному интеллекту и моделированию когнитивных процессов. Три стендовых секции дали возможность в режиме диалога познакомиться с самыми разными исследованиями

в сфере когнитивных наук, не уступавшими по качеству устным докладам. С материалами докладов можно ознакомиться на сайте конференции <http://conf.cogsci.ru>.

Последний день конференции был полностью посвящен тематическим воркшопам: «Концептуальные структуры как основа ментальных ресурсов: междисциплинарный подход» (ведущие М. А. Холодная, Е. В. Волкова), «Зрелость человека: результат развития или само развитие?» (Е. А. Сергиенко, А. Н. Подьяков), «Особенности развития детей, живущих в би- и полилингвальной среде» (М. М. Безруких, Т. В. Черниговская), «Принятие решений» (Ю. Е. Шелепин, С. А. Маничев) и «Языковая коммуникация: норма, усвоение, патология» (О. В. Федорова).

На воркшопе, посвященном языковой коммуникации, обсуждался широкий круг проблем, в числе которых понятие языковой нормы, особенности речевого развития детей, дислексия и специфика усвоения различных языковых явлений. В докладе «Что такое норма с точки зрения устной коммуникации?» А. Мустаикки (Финляндия) выделил несколько разновидностей языковой нормы. **Официальная** норма, которую преподают в школе, определяется узкой группой авторитетов, представляет собой отражение литературного языка и, как правило, представлена в нормативных словарях и грамматиках и исключительно редко в речи (в том числе письменной). Позже дети осваивают **коллективную** норму, которая нецеленаправленно создается той или иной группой людей, находящихся в постоянном контакте друг с другом. Кроме того, каждый носитель языка понимает, что в разных ситуациях говорят по-разному, то есть необходимо соблюдать **ситуативную** норму. Еще один тип нормы — **прагматическая** — затрагивает такие параметры речевой коммуникации, как темы, допустимые к обсуждению, громкость речи, расстояние до собеседника. Три последних типа нормы отличаются от официальной стихийностью, демократичностью (создаются самими носителями языка, а не задаются «сверху вниз»), диффузностью (существуют разные версии нормы) и, наконец, динамичностью (данным видам нормы свойственно изменяться быстрее, чем официальной норме).

В докладе «Асимметричное влияние поражений головного мозга на порождение нарратива» (Ю. С. Акинина, М. Б. Бергельсон, О. В. Драгой, З. А. Меликян, Н. М. Шитова, Москва) было представлено одно из первых исследований нарративов по картинке, полученных от испытуемых с афазиями. Исследователи обнаружили, что испытуемые с нарушениями в работе правого полушария более склонны к порождению квазинарративов, представляющих

собой не рассказ, а статичное описание картинки, по сравнению с «левополушарными» испытуемыми. «Правополушарная стратегия» подразумевает к тому же большее число оценочных клауз и меньшее число событийных. Эти результаты подтверждают предположение о том, что испытуемые с повреждениями передних отделов правого полушария испытывают трудности в поддержании информационной структуры истории, в то время как люди с поражениями левого полушария придерживаются структуры нарратива, несмотря на сложности, возникающие на микроуровне.

Исследование П. М. Эймонт (Санкт-Петербург), выполненное в традициях генеративной парадигмы, было посвящено усвоению синтаксической структуры с эллиптированным субъектом (Null Subject — NS) в русском и английском языках. В основном языки действительно распределяются по двум группам в зависимости от того, допускается ли опущение субъекта (pro-drop languages либо non-pro-drop languages), однако русский язык некоторые лингвисты относят к первой группе языков, а некоторые — ко второй. Эксперимент с англоговорящими и русскоговорящими детьми, порождающими нарративы после просмотра мультфильма, продемонстрировал, что и те и другие дети в возрасте 6—8 лет не склонны опускать субъект (делают это лишь в 10% случаев). Однако к 10 годам у них формируется синтаксис взрослых носителей языка, т. е. они делают выбор между pro-drop и non-pro-drop. Интересным и неожиданным является то, что уже в возрасте 4—5 лет дети употребляют NS практически так же часто, как и в возрасте 6—8 лет.

Доклад И. Балчюниене (Литва) и А. Н. Корнева (Санкт-Петербург) «Продукция и чтение текстов у детей с дислексией: языковой или ресурсный дефицит?» также был посвящен патологии речи. Докладчики экспериментально проверили две основных гипотезы происхождения дислексии: «языковую» (предполагающую дефицит языковых и метаязыковых операций, лежащих в основе декодирования слов и анализа/синтеза текста в целом) и «ресурсную» (предполагающую дефицит оперативной памяти, внимания, сукцессивной/серийной организации процессов и самоконтроля). Полученные результаты позволяют заключить, что сформированность базовой структуры нарратива является значимой детерминантой понимания при чтении у детей с дислексией. Авторы настаивают на том, что формирование способности к продуцированию нарративов должно быть важным компонентом при коррекции нарушений овладения чтением и отклонений в формировании языка и речи.

На воркшопе, посвященном особенностям развития детей, живущих в би- и полилингвальной среде, Т. Хентшель (Германия) рассказал о работе, проделанной их группой по созданию блока разноплановых опросников, позволяющих собрать наиболее полный анамнез ребенка-билингва, а затем использовать полученные данные для комплексного сопровождения этого ребенка. Вся совокупность опросников была названа авторами «Дорожная карта билингва», и все желающие приглашаются для их апробации и сбора данных. В докладе Е. Ткаченко и М. Сандвик (Норвегия) рассказывалось о том, какая языковая политика ведется в Скандинавских странах по отношению к билингвальным детям из семей иммигрантов. В отличие от многих европейских стран, образование не пытается привить всеми силами ребенку из семьи эмигрантов язык большинства той страны, в которой он живет. Для гармоничного и полноценного развития речи ребенка в дошкольном образовании создана система

поддержки не только языка большинства, но и родного языка для семьи ребенка, что способствует более успешному речевому развитию ребенка и его интеграции в школьное образование. М. М. Безруких и Т. А. Филиппова (Москва) провели масштабную оценку развития речи у детей-билингвов 6—7 лет в различных регионах России. По результатам этого обследования оказалось, что, несмотря на различия в социально-экономическом статусе различных регионов и в организации системы дошкольного образования, наиболее характерные трудности в речи на втором языке у детей-билингвов связаны со словообразованием и лексико-грамматическим оформлением речи.

Помимо докладов, на конференции прошла презентация фирм ToBii (Швеция) и Metris (Нидерланды) — производителей оборудования для когнитивных исследований, на которой можно было задать вопросы об использовании новейших технических средств, используемых психологами, лингвистами и нейрофизиологами.

Подписано к печати 17.12.2014	Дата выхода в свет 26.02.2015
Формат 70×100 ^{1/16} Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 6,0 тыс. Уч.-изд. л. 15,5
Бум. л. 5,0 Тираж 471 экз.	Зак. 906 Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6